
Марк Мацкевич
Брак
по ошибке
реестра
18+

Марк Мацкевич
Брак по ошибке реестра

https://litres.ru/74737642
SelfPub; 2026

Аннотация

Ирма Вейль — лучшая поверенная по разводам в столице. Она развела сто шестьдесят две пары магов и знает о браке всё, кроме одного: как выйти из собственного.

Однажды утром на её запястье проступает строка Реестра. Ирма замужем за полковником боевых магов Ронаном Гартом, которого никогда не видела. Реестр не ошибается, жалобу рассмотрят через два года, а развести такой брак можно только после тридцати одной ночи под одной крышей. Это правило три года назад выиграла в суде сама Ирма.

Теперь у неё на кухне живёт огромный полковник, который чинит без спроса, варит суп на сорок человек и о чём-то молчит. За печью ведёт ведомость обидчивый дух Реестра. А ошибка, которая их поженила, оказывается совсем не ошибкой.

Содержание

Глава 1. Хорошо обосновано 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Марк Мацкевич
Брак по ошибке реестра

Глава 1. Хорошо обосновано

В то утро я разводила чету Бельских, и делили они кота.

Кот был мёртвый. Это важно, потому что живого кота закон Вельмара разрешает спросить, с кем он хочет жить, а мёртвого спрашивать бесполезно: он ответит тому, кто его поднял. Подняла его госпожа Бельская на третью годовщину свадьбы, в подарок мужу. Теперь господин Бельский утверждал, что подарок есть подарок, а госпожа Бельская напоминала, что чары её и она может их снять.

— Двенадцать лет брака, — сказал он, глядя в стол, — и ты приходишь ко мне с адвокатом из-за Пушка.

— С поверенной, — поправила я. — Адвокаты дороже и хуже пишут.

Пушок сидел на середине стола, ровно на линии раздела имущества, и вылизывал лапу, которая давно в этом не нуждалась.

Я стоила четыре талера в час и стоила их честно. За девять лет я развела сто шестьдесят две пары магов и не проиграла ни одного дела, о котором помню, если не считать собственного развода. После него мне остались фамилия мужа, ко-

фейник и долг за контору, которую я построила, а он забрал. Контору на Чернильной улице я открыла заново, в кредит. Через месяц я выходила на процесс леди Оверстрен против главы Палаты Реестра: это был конец долга, если я выиграю, и конец всего остального, если нет.

Поэтому, когда у меня зачесалось запястье, я просто почесала его и продолжила.

— Предлагаю совместную опеку, — сказала я. — Чётные дни у госпожи Бельской, нечётные у господина Бельского. Чары остаются за ней, кормить его всё равно не надо.

— Он любит, когда ему наливают сливки, — сказал господин Бельский очень тихо.

— Он их не пьёт, Пётр.

— Но он любит.

Запястье зачесалось сильнее. Я опустила глаза, ожидая увидеть чернильное пятно: я всю жизнь хожу с чернилами на руках, и прачка уже не спрашивает. Это и было чернильное пятно. Только у него были хвостики и заглавные буквы.

Ирма Вейль, в браке с Ронаном Гартом, полковником Третьего боевого полка. Запись внесена сего дня в девять часов двадцать минут. Реестр поздравляет супругов.

Такие строки я видела на ста шестидесяти двух парах запястий. Я знала эти слова и это равнодушное «поздравляет» наизусть, как таблицу пошлин. Я только никогда не видела их на себе.

Я потёрла строку большим пальцем. Она не смазалась.

Они никогда не смазываются. Я сама объясняла это клиентам, обычно мягким голосом, обычно предлагая воды.

— Госпожа Вейль, — сказала госпожа Бельская, — вам нехорошо?

— Мне превосходно, — ответила я и опустила манжету. — Итак, чётные и нечётные. В високосный год двадцать девятое февраля Пушок проводит там, где ему вздумается. Подпись здесь и здесь.

Они подписали. Я хочу, чтобы это было записано: у меня на руке стоял чужой полковник, а я довела кота до мирового соглашения и взяла за полный час.

Когда за Бельскими закрылась дверь, я вышла в приёмную. Феня сидела за конторкой и ела яблоко над чужим брачным договором, за что я штрафовала её примерно раз в неделю.

— Феня. Кто такой Ронан Гарт?

— Полковник с Северной заставы, — сказала Феня, не переставая жевать. — Про него писали в «Вестнике», когда он три месяца держал перевал с половиной полка. На гравюре выглядит так, будто его вырубили из чего-то твёрдого и бросили на полпути. А что?

— Я, кажется, за него вышла.

Феня перестала жевать. Она посмотрела на меня, на яблоко, потом снова на меня, как человек, который пытается понять, в какой из этих двух вещей ошибка.

— Когда?

— Сегодня, в девять двадцать.

— А что вы делали в девять двадцать?

— Ела булку.

Я задрала манжету и положила руку на конторку. Феня наклонилась и прочитала вслух, с выражением, потому что она ужасный человек. На слове «поздравляет» строка дрогнула. Под ней, прямо у нас на глазах, побежала вторая, помельче:

Супруги не завтракали вместе. Замечание первое.

— Она так умеет? — спросила Феня шёпотом.

— Только у тех, кто подал на испытание. Я его не подавала. Я вообще ничего не подавала! Это ошибка, Феня, писарь ошибся строкой, мы сейчас напишем в Палату…

— Реестр по закону безошибочен, — сказала Феня голосом, каким я говорю это клиентам.

— Я помню, что он безошибочен.

— Жалобу на запись рассматривают через два года.

— Я помню, Феня.

В дверь постучали. Стук был негромкий, но стекло в двери на него отозвалось, а чернильницы на конторке поехали на полпальца к краю. Феня поймала ближнюю.

Вошедшему пришлось пригнуть голову. Гравюра в «Вестнике» ему льстила в том смысле, что на ней он хотя бы помещался. Ему было под сорок, у него был обветренный лоб, шинель, застёгнутая на все пуговицы, и выражение человека, который уже видел сегодня что-то похуже и потому готов

выслушать вас спокойно. Он снял фуражку, осмотрел приёмную, как осматривают незнакомый перевал, и остановился взглядом на мне.

— Госпожа Вейль? Полковник Гарт. Мне сказали, вы лучшая поверенная по разводам в столице.

— Это так, — сказала я.

— И ещё, что вы, по всей видимости, моя жена. — Он отогнул манжету. На широком запястье, поверх старого ожога, тем же наклоном стояли те же слова. — Я решил начать с первого.

Феня издала звук, который потом отрицала.

— Это ошибка, — сказала я.

— Согласен.

— Я вас никогда не видела.

— Я вас тоже. Приятно познакомиться.

Он сказал это без всякой улыбки, и я не поняла, шутка это или устав. Он тем временем подошёл к спиртовке на подоконнике, под которой у Фени всегда гас огонь, снял с неё кофейник, заглянул внутрь. Потом достал из кармана коробок и зажёг её спичкой.

Никто его об этом не просил. Я ещё подумала, что боевые маги спичек не носят, а этот носит, и что передо мной, вероятно, позёр.

— Это мой кофейник, — сказала я.

— Он остывал, — ответил полковник. — Я был в Палате в восемь, по другому делу, и вернулся туда в десять, по

этому. Жалобу примут через два года. Мне это не подходит: через сорок дней я должен быть на заставе, и женатых туда не отпускают, пока брак не заявлен и не проверен. Но писарь сказал, что есть быстрый способ. Он дал мне вот это.

Он вынул из-за обшлага сложенный лист и протянул мне. Я его не взяла. Мне не нужно было его брать, я видела заголовок оттуда, где стояла.

— Испытание месяцем, — прочитал он, когда понял, что я не возьму. — Брак, заключённый без явной воли одной из сторон, не оспаривается в суде, а может быть расторгнут без спора после тридцати одной ночи, проведённой супругами подряд под одной крышей. Одна ночь порознь обнуляет счёт. Поверенная сторона на время счёта сохраняет печать, при первом нарушении теряет. — Он поднял на меня глаза. — Звучит как издевательство. Какой умник это придумал?

Я молчала. Я редко молчу, и Феня знала это лучше всех. Она отложила яблоко, встала, обошла полковника и сняла со стены за его спиной рамку, которую я повесила три года назад, когда ещё думала, что это смешно. Она поставила её на конторку и аккуратно повернула к нему.

Вейль против Торна. Решение в пользу истицы. За блестящее обоснование Палата Адвокатов благодарит поверенную И. Вейль.

Полковник Гарт читал долго. Он дочитал до конца и, кажется, вернулся к началу. Потом поставил рамку обратно, ровно на то место, откуда её сняла Феня, и поправил её уго-

лок.

— Хорошо обосновано, — сказал он.

— Благодарю.

— Мои вещи привезут к шести. Я распорядился.

— Вы что?

На запястье зачесалось. Я не хотела смотреть. Я посмотрела.

Супруги наконец встретились. Реестр рад. До конца испытания: тридцать одна ночь.

За девять лет я подала в суд на двух лордов, гильдию алхимиков и одного очень злопамятного призрака. Никогда ещё мне так не хотелось подать в суд на собственную руку.

Полковника я выставила за четыре минуты. Он не возражал, и это было хуже всего.

— До шести чтобы вас здесь не было.

— До шести меня здесь и не будет, — согласился он, надел фуражку уже на крыльце и ушёл. Чернильницы поехали обратно.

Феня налила мне кофе. Кофе был горячий, и я выпила его из принципа: кофейник всё-таки мой.

Следующие пять часов ушли на проверку всего, что я знаю. Знала я много, и к обеду это стало главной проблемой.

Брак без воли стороны ничтожен? Давно нет: такой брак не оспаривается, абзац четвёртый, автор известен. Может, начать счёт попозже, когда я закончу с Оверстрен? Абзац девятый: счёт идёт от дня записи, иначе недобросовестная сто-

рона станет тянуть время. Недобросовестной стороной тогда был Торн. Этим абзацем я очень гордилась, судья зачитал его дважды.

Оставалась крыша. Дом наш стоит в ряду, крыша у него общая с галантерейщиком, и полковник вполне мог бы провести месяц среди шляпок. Феня молча положила передо мной абзац двенадцатый. Торн в своё время пытался ночевать в каретном сарае, и ради него я нашла определение крыши в трёх словарях.

— «Кров с общим входом», — прочитала Феня с набитым ртом. — Хорошо обосновано.

— Ты уволена.

— Вы это уже говорили во вторник.

В Палату я пошла сама. Молодой писарь при виде меня просиял: на моём решении у них учат стажёров. Книгу он вынес без споров. Девять двадцать, моё имя, чужой полковник, и ни одной кляксы. Редко мне так хотелось увидеть кляксу.

— Кто внёс запись?

— Реестр, госпожа Вейль.

— Чьей рукой?

— Реестр безошибочен, — сказал он ласково. Интонацию я узнала. С такой обычно предлагают воды.

— Тогда покажите основание. Договор, заявление, что там лежало под этой строкой.

— Основание выдаётся по жалобе.

— А жалобу рассматривают…

— Через два года! — обрадовался писарь, как ученик, которого наконец спросили то, что он знает.

Потом он попросил меня подписать ему копию решения, для сестры. Сестра собиралась разводиться. Я подписала. Рука не дрогнула, хотя с утра я ей больше не доверяла.

Обратно я шла через Ткацкий мост и считала. Первая ночь порознь гасит печать к утру. Без печати нет процесса Оверстрен, без процесса нет денег, без денег контору заберут вместе с кофейником. Из этого следовал ровно один вывод, и я его отклонила. До утра далеко, за ночь что-нибудь придумается, а чужой мужчина в мой дом не войдёт. Мёртвый кот к полудню знал своё расписание лучше, чем я своё, и это следовало исправить. Текст отказа сложился у меня к Суконному ряду: пять фраз, две ссылки, ни одного прилагательного.

На Чернильную я свернула, когда на ратуше били шесть. Ждала я обоза. Человек, который говорит «я распорядился», должен распоряжаться хотя бы телегой: сундуки, сёдла, трофейная шкура.

У моей двери стоял вещмешок. Рядом, на одном из двух ящиков, сидел пожилой денщик и чинил ремешок. Увидев меня, он встал и отдал честь.

— Госпожа полковница. Куда ставить?

— Никуда. Это всё?

— Так точно.

— Всё имущество полковника Третьего боевого полка?

— Имущество вот, — он кивнул на мешок. — А это вдовы.

На крышке ящика мелом было выведено: *Третий полк. Прошения, А — К*. Из щели торчал край подшивки. Шили её шилом и суровой ниткой, поля не соблюдены, ни одна канцелярия такого не примет. «В восемь, по другому делу», сказал он утром у моей спиртовки. Я постояла над этой мыслью и отклонила её тоже. День выдался богатый на отклонения.

— Господин полковник велел: ящики на сухое, если пустят, — сказал денщик. — Бумага сырости не любит. А мешок можно и на крыльце. Он на нём и на снегу спал.

Пять фраз и две ссылки были у меня наготове. Я достала ключ.

— Ящики внутрь. Мешок остаётся. Полковнику передайте, что разговор будет на пороге и короткий.

Денщик кивнул без всякого удивления и понёс первый ящик. Я осталась на крыльце с мешком. На Чернильной воруют всё, что не приколочено и не заверено, а за утрату имущества супруга в период счёта отвечать, между прочим, мне. Это я тоже где-то обосновала.

Мешок оказался лёгким. Я внесла его одной рукой и поставила в приёмной, у самой двери. Решения я не меняла.

Запястье зачесалось. Смотреть я не стала: документов против меня на сегодня и так хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.